

УДК 821.111-31.09

**РОЛЬ АЛЛЮЗИЙ В РОМАНЕ «КОЛЛЕКЦИОНЕР» ДЖ. ФАУЛЗА:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹****Панин Даниил Сергеевич,**

студент кафедры иностранных языков

Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Арзамас, Россия

e-mail: danilaizarz@mail.ru

Аннотация

В статье предложен функционально-семантический анализ аллюзий в романе Дж. Фаулза «Коллекционер». Материалом исследования послужили речевые партии Фредерика Клегга и Миранды Грей, рассмотренные с позиций интертекстуального, контекстуального и сравнительно-типологического анализа. В ходе исследования аллюзивные включения были распределены по четырём основным группам: институционально-художественные, литературные, мифологические и массово-культурные. Установлено, что в повествовании Клегга аллюзии выполняют преимущественно компенсаторную и легитимирующую функции, маскируя аксиологическую пустоту и стремление к присвоению Другого, тогда как в речевом мире Миранды они служат инструментом интерпретации, этической оценки и сохранения личностной идентичности. Показано, что асимметрия аллюзивных рядов формирует один из главных смысловых механизмов романа и усиливает психологическое напряжение, возникающее на стыке двух несовместимых повествовательных перспектив.

Ключевые слова: аллюзия, интертекстуальность, Джон Фаулз, «Коллекционер», художественный текст, нарратология, литературная коммуникация.

**THE ROLE OF ALLUSIONS IN JOHN FOWLES'S NOVEL "THE
COLLECTOR": A FUNCTIONAL AND SEMANTIC ANALYSIS****Panin Daniil Sergeevich,**

Student, Department of Foreign Languages

Arzamas Branch of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Arzamas, Russia¹Научный руководитель: Набилкина Лариса Николаевна

Доктор культурологии, Доцент Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Арзамас, Россия

e-mail: nabilkina@yandex.ru

Scientific supervisor: Larisa Nikolaevna Nabilkina

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor Arzamas Branch of the National Research Nizhny Novgorod Lobachevsky State University,
Arzamas, Russia

e-mail: nabilkina@yandex.ru

e-mail: danilaizarz@mail.ru

ABSTRACT

The article presents a functional and semantic analysis of allusions in John Fowles's novel "The Collector". The study is based on the speech patterns of Frederick Clegg and Miranda Grey examined through intertextual, contextual, and comparative-typological methods. The allusive elements are grouped into four major categories: institutional-artistic, literary, mythological, and mass-cultural. The analysis shows that in Clegg's narrative allusions perform primarily compensatory and legitimizing functions, disguising his axiological emptiness and his desire to appropriate the Other, whereas in Miranda's speech they function as a means of interpretation, ethical evaluation, and preservation of personal identity. It is demonstrated that the asymmetry of the allusive series constitutes one of the central meaning-producing mechanisms of the novel and intensifies the psychological tension arising at the intersection of two incompatible narrative perspectives.

Keywords: allusion, intertextuality, John Fowles, The Collector, literary text, narratology, literary communication.

Введение

В современном литературоведении интертекстуальность рассматривается как один из базовых механизмов смыслообразования художественного текста. Аллюзия в этой системе занимает особое место, поскольку она не только отсылает к предшествующим культурным кодам, но и позволяет автору компактно вводить в текст дополнительные оценочные, аксиологические и композиционные значения. Для прозы второй половины XX века, в особенности для текста, находящегося на границе модернистской и постмодернистской поэтики, аллюзия становится важным инструментом организации многоуровневого повествования [1; 2; 4; 5].

Роман Дж. Фаулза «Коллекционер» представляет особый интерес для исследования аллюзивных структур, так как строится на принципиальном разграничении двух повествовательных сознаний. Первая часть романа репрезентирует речь Фредерика Клегга, вторая – дневниковое письмо Миранды Грей. Смена повествовательной перспективы обнаруживает не только противоположность мировоззренческих установок персонажей, но и различие их культурной компетенции, речевой организации и способов осмысления действительности [7; 8].

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к интертекстуальности у Фаулза, вопрос о функциональном распределении аллюзий между различными речевыми зонами романа разработан недостаточно. Между тем именно сопоставление аллюзивных рядов Клегга и Миранды позволяет точнее описать внутреннюю структуру конфликта и понять, каким образом культурные отсылки участвуют в создании нравственной оптики произведения. Научная новизна настоящей работы состоит в рассмотрении аллюзии не как изолированного стилистического украшения, а как механизма, организующего оппозицию персонажей и формирующего смысловую динамику романа [6; 9].

Цель исследования

Цель исследования состоит в выявлении функционально-семантической специфики аллюзий в романе Дж. Фаулза «Коллекционер» и в определении их роли в характеристике

персонажей, организации повествовательного конфликта и создании психологического напряжения.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил роман Дж. Фаулза «Коллекционер» в английском оригинале и русском переводе И. Бессмертной. Единицей анализа выступает аллюзивное включение, то есть языковой фрагмент, актуализирующий иной текст, культурное имя, мифологический сюжет, художественный образ или значимый культурный факт [7].

В работе использованы интертекстуальный, контекстуальный, сравнительно-типологический и интерпретационный методы. Исследовательская процедура включала несколько этапов: выявление аллюзивных единиц в речи обоих персонажей; их группировку по типу культурного источника; сопоставление функций аллюзий в различных повествовательных зонах; интерпретацию полученных результатов в связи с композицией романа. Такой подход позволяет перейти от простого перечисления отсылок к анализу их системной роли в художественной структуре произведения [3].

Результаты и их обсуждение

1. Аллюзия как механизм разграничения речевых миров персонажей

Проведённый анализ показывает, что аллюзивные включения в романе распределены неравномерно и структурно асимметрично. В речи Клегга культурные отсылки немногочисленны, редуцированы и, как правило, не сопровождаются полноценной интерпретацией. Они функционируют как внешние маркеры «приобщённости» к культуре и используются персонажем для символического повышения собственного статуса. Напротив, в речи Миранды аллюзии образуют разветвлённую систему смысловых ориентиров: через них героиня оценивает окружающее, сопоставляет переживаемое с культурными моделями и сохраняет способность к рефлексии в условиях насилия и изоляции.

Следовательно, уже на уровне распределения аллюзий роман моделирует два принципиально разных отношения к культуре. Для Клегга культура – это объект внешнего потребления и присвоения; для Миранды – пространство внутренней свободы и самопонимания. Именно поэтому сравнительный анализ аллюзивных рядов оказывается продуктивным для выявления центральной антитезы произведения.

2. Аллюзивный ряд Фредерика Клегга: редуцированный культурный код

Речевой мир Клегга характеризуется прагматическим и упрощённым использованием культурных отсылок. Упоминания Национальной галереи, галереи Тейт, а также имени фотографа С. Бофуа не становятся у героя поводом для аналитического осмысления искусства; напротив, они демонстрируют поверхностное усвоение культурных знаков. Показателен фрагмент, в котором Клегг оценивает картины Миранды как «очень здорово и очень похоже» [9, с. 17]. Сама структура оценки здесь принципиально недифференцирована: герой мыслит категориями узнаваемости и внешнего сходства, не переходя к содержательному анализу художественной формы.

В функциональном отношении подобные аллюзии выполняют компенсаторную задачу. Клегг стремится встроить собственное существование в культурно значимую рамку, не обладая ни развитой интерпретативной компетенцией, ни этической готовностью к восприятию Другого как самостоятельной ценности. Поэтому культурные имена в его речи не расширяют смысл, а, напротив, маскируют дефицит смыслов. Они создают эффект вторичной легитимации его действий: похищение Миранды мыслится им через логику коллекционирования, обладания и эстетизированного присвоения. Культурный код в данном случае не гуманизирует субъекта, а обслуживает его стратегию символического контроля.

3. Аллюзии в речевом мире Миранды: интерпретация, оценка, сопротивление

В отличие от Клегга, Миранда использует аллюзии как средство анализа собственного положения и нравственной квалификации происходящего. Отсылки к Сезанну, роману Дж. Остин «Эмма», произведениям Дж. Сэлинджера и А. Силлитоу, а также к шекспировскому и мифологическому материалу формируют многослойный культурный контекст её высказываний. Принципиально важно, что данные аллюзии не являются декоративными: каждая из них включена в процесс интерпретации.

Так, обращение к фигуре Калибана из «Бури» Шекспира переводит образ Клегга из бытового плана в мифопоэтический и этический: похититель репрезентируется как носитель деформированной, недоразвитой субъектности, противопоставленной культуре и свободе. Сходным образом функционирует и мифологическая аллюзия «танталовы муки», позволяющая Миранде зафиксировать не только внутреннюю неполноценность Клегга, но и принципиальную ненасыщаемость его желания обладать. Литературные отсылки к «Эмме» и «Над пропастью во ржи» выполняют сопоставительную функцию: героиня ищет в знакомых текстах модели понимания, однако всякий раз обнаруживает, что ситуация абсолютной несвободы не исчерпывается готовыми культурными схемами.

Следовательно, аллюзии в речевом мире Миранды выполняют как минимум три функции: когнитивную, поскольку помогают осмыслить реальность; аксиологическую, поскольку формируют нравственную оценку персонажей и событий; и идентификационную, поскольку поддерживают связь героини с прежним культурным и личностным опытом. В условиях изоляции именно эта система отсылок становится одним из механизмов сохранения внутренней автономии.

4. Сравнительная типология аллюзий

Систематизация выявленных аллюзивных единиц позволяет представить их в виде функционально-семантической модели. Полученные результаты суммированы в таблице 1.

5. Композиционная функция аллюзий и создание психологического напряжения

Аллюзии в романе значимы не только как характеристика отдельных персонажей, но и как элемент общей композиции. Фаулз выстраивает повествование таким образом, что читатель сначала сталкивается с редуцированной системой культурных координат Клегга, а затем – с насыщенным рефлексивным и интерпретирующим письмом Миранды. В результате одно и то же событие получает принципиально различное смысловое оформление. Эта асимметрия производит эффект драматической корректировки читательского восприятия: версия Клегга утрачивает кажущуюся нейтральность и обнаруживает собственную моральную несостоятельность.

Психологическое напряжение возникает вследствие постоянного столкновения двух культурных моделей. В повествовании Клегга культура сведена к набору потребляемых знаков; в письме Миранды она сохраняет статус способа переживания мира и инструмента этической самоидентификации. Чем отчетливее проявляется данный разрыв, тем сильнее ощущается несоизмеримость персонажей.

Таблица 1 – Функционально-семантическая типология аллюзий в романе «Коллекционер»

Группа аллюзий	Основные примеры	Носитель речи	Доминирующая функция
Институционально-художественные	National Gallery, Tate, Сезанн	Клегг, Миранда	Маркирование культурной компетенции; выявление различия

Группа аллюзий	Основные примеры	Носитель речи	Доминирующая функция
			в восприятии искусства
Литературные	«Эмма», «Над пропастью во ржи», «В субботу вечером, воскресенье утром»	Преимущественно Миранда	Интерпретация ситуации; поиск моделей понимания; самоидентификация
Мифологические и шекспировские	Калибан, Тантал, Ferdinand/«Буря»	Миранда	Этическая оценка Клегга; драматизация конфликта; символизация насилия
Массово-культурные и псевдоэстетические	С. Бофуа и иные внешние культурные маркеры	Клегг	Компенсаторная легитимация; имитация причастности к культуре; маскировка присвоения

Как следует из таблицы 1, ключевым результатом исследования является не просто наличие большого количества культурных отсылок, а их функциональная несимметричность. Аллюзивный ряд Клегга ориентирован на внешнее присвоение культурного знака, тогда как аллюзивный ряд Миранды формирует пространство внутренней речи, в котором сохраняются рефлексия, оценка и сопротивление.

Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что аллюзии в романе Дж. Фаулза «Коллекционер» являются одним из системообразующих элементов художественной структуры. Их функция не сводится к созданию интертекстуального фона или демонстрации эрудиции персонажей.

В повествовании Фредерика Клегга аллюзии выполняют преимущественно компенсаторную и легитимирующую роль: они создают иллюзию культурной включённости и одновременно обслуживают стратегию символического присвоения Миранды. В речевом мире Миранды аллюзии, напротив, становятся способом интерпретации происходящего, этической оценки насилия и сохранения собственной идентичности.

Сопоставительный анализ позволил выделить четыре функционально-семантические группы аллюзий и показать, что их распределение подчинено композиционной логике романа. Именно асимметрия аллюзивных рядов делает конфликт персонажей не только сюжетным, но и мировоззренческим. Тем самым культурные отсылки

у Фаулза участвуют в формировании психологического напряжения и задают нравственный вектор читательского восприятия.

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях интертекстуальности в английском романе XX века, а также в преподавании зарубежной литературы, стилистики художественного текста и теории интерпретации.

Список литературы:

1. Иноземцева Н. В. Прецедентность и интертекстуальность как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 11. С. 167–169.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 427–457.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
4. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
5. Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе / пер. с нем. М.: Прогресс, 1976. 556 с.
6. Темкина В. Л., Залеская А. Э. Аллюзивные отсылки в романах Джона Фаулза «Коллекционер» и «Женщина французского лейтенанта» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017.
7. Фаулз Дж. Коллекционер = The Collector: издание на русском и английском языках / пер. с англ. И. Бессмертной. М.: Эксмо, 2015. 543 с.
8. Conradi P. J. John Fowles. London: Methuen, 1982. 96 p.
9. Palmer W. J. The Fictive World of John Fowles. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1974. 169 p.

References:

1. Inozemtseva N. V. Precedentness' i intertekstual'nost' kak markery angloyazychnogo nauchno-metodicheskogo diskursa (na materiale angloyazychnykh statei po metodicheskoi problematike) [Precedentness and intertextuality as markers of English-language scientific and methodological discourse]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010;(11):167–169. (In Russ.).
2. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue and novel]. Dialog. Karnaval. Khronotop. 1993;(4):427–457. (In Russ.).
3. Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The Structure of the Artistic Text]. Moscow: Iskusstvo; 1970. 384 p. (In Russ.).
4. Pieve-Gros N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti [Introduction to the Theory of Intertextuality]. Moscow: LKI; 2008. 240 p. (In Russ.).
5. Auerbach E. Mimesis: Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature [Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature]. Moscow: Progress; 1976. 556 p. (In Russ.).

6. Temkina V. L., Zalesskaya A. E. Allyuzivnye otsylki v romanakh Dzhona Faulza «Kollektsioner» i «Zhenshchina frantsuzskogo leitenanta» [Allusive references in John Fowles's novels "The Collector" and "The French Lieutenant's Woman"]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. (In Russ.).
7. Fowles J. Kollektioner = The Collector: izdanie na russkom i angliiskom yazykakh [The Collector: Russian-English bilingual edition]. Transl. by I. Bessmertnaya. Moscow: Eksmo; 2015. 543 p.
8. Conradi P. J. John Fowles. London: Methuen; 1982. 96 p.
9. Palmer W. J. The Fictive World of John Fowles. Carbondale: Southern Illinois University Press; 1974. 169 p.